

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Попросту

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Попросту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22138209

Аннотация

«– Кликните мне, пожалуйста, извозчика, – вежливо проговорил молодой человек, только что «приехавший доктор» в глухой провинциальный городок Пропадинск. – Извозчика? – удивилась старуха-кухарка, отвечавшая за горничную. – Разве по Фомку сбегать, он у собора стоит, а других никого нет. – Все равно: Фомка или кто другой... Я тороплюсь, нужно визиты сделать...»

Содержание

I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Попросту

I

– Кликните мне, пожалуйста, извозчика, – вежливо проговорил молодой человек, только что «приехавший доктор» в глухой провинциальный городок Пропадинск.

– Извозчика? – удивилась старуха-кухарка, отвечавшая за горничную. – Разве по Фомку сбегать, он у собора стоит, а других никого нет.

– Все равно: Фомка или кто другой... Я тороплюсь, нужно визиты сделать.

Павел Иваныч Кочетов, молодой врач, только что сорвавшийся с университетской скамьи, вчера приехал на место своей службы и, так как в Пропадинске «проезжающих номеров» не оказалось, остановился на первой попавшейся частной квартире у какого-то прасола. Этот прасол, пожилой человек с окладистой бородой, вышел к нему босиком и в одной ситцевой рубашке, внимательно осмотрел гостя с ног до головы и решил про себя: «Молод еще, а поперится – человеком будет».

«Вот патриархальные нравы!» – думал, в свою очередь, Кочетов, любуясь босыми ногами хозяина и его ситцевой ру-

бахой, перехваченной гарусным пояском.

Утром он проснулся рано, потому что не давали спать самые патриархальные клопы, и теперь с нетерпением повернулся несколько раз перед зеркалом. Среднего роста, плотный, с широким русским лицом и небольшой бородкой, он был тем, чем и должен быть провинциальный врач: ничего эдакого не было ни в костюме, ни в манерах, ни в лице. Просто приехал человек на место и будет тянуть свою лямку, как тянут все другие люди.

– А Фомки-то нет у собора, – заявила вернувшаяся кухарка. – Надо полагать, его к Бубновым перешибли...

– Ну, а другие?

– Других-то, видно, не бывало, барин.

– Как же я, по-твоему, буду делать; на улице грязь по колено, я по грязи и отправлюсь с визитами, подогнув штаны?

Кухарка только развела руками:

– Нету Фомки...

– Эй, Авдотья, а ты к Луковкиным сбегай, – слышался из-за перегородки голос хозяина. – Может, они дадут лошадь... У них два экипажа, так иногда ссужают на случай бракосочетания или на похороны. Так и скажи: господин дохтур приехали, так им весьма требуется...

– Но ведь это неловко: незнакомые люди... – бормотал Кочетов, начиная в виду затянувшихся переговоров снимать свежие перчатки.

– Ничего, Павел Иваныч, – утешал тот же голос из-за пе-

регородки с уверенной ноткой. – Как быть-то?.. Не вы одни, а для первого раза по колено залезть в грязь, оно, тово, не способно!.. А Луковкиным што, все равно задарма лошадь стоит. Да вы не сумлевайтесь, потому как у нас все попросту: сегодня вам Луковкины удружат, а завтра вы им.

– Все-таки, знаете, оно как-то неловко.

Через полчаса Авдотья приехала на лошади Луковкиных, причем вся улица уже знала, кому понадобилась лошадь и для чего. Город был маленький, всего тысяч пять жителей, а чем меньше русский город, тем сильнее обывательское любопытство. Усаживаясь в экипаж, доктор с улыбкой припомнил, что лошадь у Луковкиных берут на случай бракосочетания или на похороны, так что он являлся и женихом и покойником.

– К городскому голове... – лаконически приказал он кучеру, несколько взволнованный своим первым официальным визитом.

Выходило неловко только одно, что он с своим первым визитом явится на чужой лошади, точно у него нет денег на извозчика. Но эта беспокойная мысль сейчас же улетучилась под влиянием ужасных толчков, какими уснащен был путь. Пропадинские улицы осенью буквально утопали в грязи, и экипаж тащился из одной выбоины в другую, как черепаха. Ведь улиц совсем немного: главная улица, конечно, Соборная, потом неизбежная Московская, потом проспект – и только, а дальше начинались окраины со своими Теребиллов-

ками, Дрекольными и Ерзовками. В центре, конечно, была Соборная площадь, на площади зеленый собор, дальше каменный гостиный двор, походивший, как все гостиные дворы, на плохие конюшни, еще дальше деревянная каланча, опять церковь, но уже ярко-желтая, здание «градской» думы, обывательские хоромы и грязь без конца, а в хорошую погоду пыль.

Проезжая мимо собора, кучер обернулся, внушительно ткнул кнутовищем на утоптанное местечко и проговорил:

– Вот на эфтом самом месте Фомка и стоит... Проезжающие господа весьма одобряют, ежели он, значит, Фомка, не урезал. К Бубновым его, сказывают, с утра взяли...

Дом градского головы Семена Гаврилыча Затыкина, конечно, стоял на Соборной улице и еще издали кидался в глаза своим бледно-розовым цветом. Все окна точно были залеплены разными ветхозаветными цветами вроде фуксий, гортензий, синелей и даже гераней. Недоставало только петухов и красного перца, каковые красуются на подслеповатых окнах в Ерзовке. Подъезд, впрочем, был очень приличен: разделанная под дуб массивная дверь, воздушный звонок, даже железный тент на тонких чугунных колонках. На звонок выскочила краснощекая горничная.

– Семен Гаврилыч дома?

– Они в думе...

Кочетов сунул горничной свою визитную карточку, постоял на подъезде и решился ехать прямо в думу, благо чужая

лошадь стояла тут же и первая неловкость была сделана.

До думы было рукой подать. Подчищенный двухэтажный каменный дом имел очень приличную внешность, а черная вывеска так и горела золотой надписью. Даже был золотой герб: в голубом поле серебряная лисица, пронизанная золотой стрелой. Нужно заметить, что в Пропадинском уезде, кроме мышей и зайцев, других зверей по штату не полагалось. В подъезде стоял настоящий швейцар и даже швейцар в ливрее. Конечно, это частность и пустяки, но Кочетов почувствовал себя как-то легче при виде такого осязательного знака пропадинской цивилизации.

– Пожалуйте в ремесленную управу – Семен Гаврилыч там чай кушают, – заявил швейцар, не дожидаясь вопроса. – В двенадцать часов они завсегда там...

Чай и ремесленная управа немного не вязались между собой, но что вы подделаете с провинцией?.. По приличной лестнице Кочетов вбежал во второй этаж, заглянул на вывески у дверей – ремесленная управа была сейчас направо, и в приотворенную дверь доносился гул споривших голосов. Из вежливости Кочетов постучал в дверь – ответа не последовало.

– Да вы, сударь, прямо отворяйте дверь, – посоветовала голова швейцара, наблюдавшая неизвестного человека с лестницы: – у нас ведь попросту...

Ничего не оставалось, как только войти «попросту». Большая комната, затянутая табачным дымом, с длинным сто-

лом посредине, походила на железнодорожный буфет: на столе кипели два самовара, стояла чайная посуда, корзинки с хлебом и бутылки с ромом, а кругом стола разместились представители местного самоуправления. Появление нового человека произвело некоторую сенсацию, и общий говор смолк.

– Могу я видеть господина городского голову? – осведомился Кочетов, обращаясь к толстому седому старику.

– К вашим услугам... – отозвался краснощекий мужчина средних лет и пошел навстречу гостю с протянутой рукой. – С кем имею честь говорить?

– Врач Кочетов...

– Ах, помилуйте, очень приятно... очень!..

– Я заезжал к вам, но, к сожалению, не застал дома и вот решил... Извините, я, может быть, мешаю вам?

– Вы?... Нет, вы в самую точку попали, и лучше ничего нельзя было придумать: в двенадцать часов мы всегда здесь, как рыба в ухе... Господа, позвольте представить: наш новый доктор...

Подхватив Кочетова под локоть, голова повел его вокруг стола и быстро рекомендовал присутствующих. Седой старик в очках оказался тем самым Луковкиным, на лошади которого приехал в думу Кочетов, потом следовал член управы Огибенин, затем председатель земской управы Голяшкин, судебный следователь Нагибин, два купца Ивановых, три купца Поповых, старший городской врач Кацман и т. д.

– То-то я смотрю в окошко: на моей лошади кто-то подъезжает к думе, – добродушно басил Луковкин. – Вот, думаю, оказия... Кому бы быть, думаю, а оно вон что вышло. Моя лошадь-то, и кучер мой, Анфим, а седок незнакомый. Хе-хе...

Кочетов начал объясняться, но голова хлопнул его по плечу, усадил насильно к столу и проговорил:

– Перестаньте, батенька: мы что, разве французы какие... У Захара-то Леонтьича лошадь одурела от стояния, а теперь все-таки ей проминаж. Вам же спасибо скажет... У нас, голубчик вы мой, все попросту.

– Все попросту! – ответило несколько голосов зараз.

– Одной семьей живем, миленький вы наш... – продолжал голова и любовно похлопал доктора по плечу. – Чего нам делить? А в двенадцать часов мы всегда здесь, в управе, чайком балуемся... Конечно, оно присутственное место, но дел никаких нет, а напиться в свое время чайку чем не ремесло?.. У нас попросту...

Этот Семен Гаврилыч оказался великим краснобаем и постоянно тыкал своим «попросту». В Пропадинске это слово, кажется, не сходит с языка: и хозяин квартиры, и кучер, и швейцар, и городской голова употребляют его к месту и не к месту.

«Может быть, это местная особенность выражения мыслей, – думал про себя Кочетов: – а может быть, и действительно все живут попросту».

II

Чай в ремесленной управе продолжался довольно долго, и Кочетов успел перезнакомиться со «всеим Пропадинском» – город был налицо, так что не нужно было делать и визитов. Эти провинциалы, говоря правду, произвели на него приятное впечатление: действительно, в них было что-то такое простое и добродушное, граничившее с халатом и босыми ногами; даже старший врач Кацман, несмотря на свое семитское происхождение, и тот заразился общим настроением и для первого раза дал коллеге товарищеский совет.

– У вас хороший желудок? – спрашивал он, прищуривая левый, косивший глаз.

– Не могу пожаловаться... – улыбнулся Кочетов, поняв тонкий намек.

– Ваш предшественник поплатился именно этим путем, – задумчиво проговорил еврей и пожевал губами. – Знаете, нужна везде мера, даже в известном порядке хороших чувств...

Но Семен Гаврилыч не дал им кончить интересного разговора и в качестве души своего общества объяснил новому члену:

– Вы его не слушайте: Самойло Мосеич совсем швах... Ничего он не стоит у нас и только компанию портит. У нас так: как двенадцать часов – все в ремесленную управу и бре-

дут... Попьем чайку, покалякаем – не нужно и с визитами трепаться.

Взглянув на часы, Кочетов сделал движение человека, желающего вовремя удалиться восвояси.

– Что это вы, батенька?.. – изумился Семен Гаврилыч. – Домой?.. Да что, разве у вас дети там плачут?.. Нет, нет, голубчик, у нас так не играют: не пустим... Только человек глаза успел показать – и сейчас тягу!..

– Не пустим! – послышались голоса, и чья-то рука ласково отняла у доктора его шляпу.

– Видите ли, мне неудобно оставаться уже потому, что я задерживаю чужую лошадь... – бормотал Кочетов, невольно поддаваясь напору приятельских чувств.

– Лошадь? Эге, батенька, хватились чего... – заливался Семен Гаврилыч так, что у него прыгали розовые щеки. – Да я ее давным-давно отослал и привезу вас домой в собственном экипаже. Мы хоть и живем в медвежьем углу, а можем понимать...

Кочетова занимал вопрос, что «весь Пропадинск» будет теперь делать здесь, когда чай кончен, разговоры переговорены и время подвигалось к обеду. Но из недоумения его вывело то, что все, точно сговорившись, поднялись с места зараз и толпой направились к выходу. Правда, странно было, что пропадинцы не прощались друг с другом, но, может быть, это было так принято.

– Едемте, – коротко решил Семен Гаврилыч, поглядывая

на часы.

У подъезда уже ждала приличная пролетка, и кучер, не спрашивая, направился к гостиному двору. Когда экипаж повернул с Соборной улицы на проспект, Кочетов заметил:

– Мне, Семен Гаврилыч, по Соборной улице...

Голова посмотрел опять на гостя удивленным взглядом, но ничего не ответил, потому что экипаж уже остановился перед новым каменным зданием с приветливой вывеской: «Ахал-Теке».

– Вот мы и дома... – заговорил Семен Гаврилыч, помогая своему гостю вылезти из экипажа. – Вы еще молодой человек, учитеесь жить у нас, стариков. То есть здесь мы повернемся на одну минутку, а потом уж домой.

Издали было слышно, как щелкали бильярдные шары, и, к удивлению Кочетова, в общей зале они встретили ту же публику, которая угощалась в ремесленной управе. Как оказалось, гостиница «Ахал-Теке» принадлежала Семену Гаврилычу, и он здесь был действительно дома. Публика распорядилась тоже по-домашнему и называла лакеев полуименами: «Мишка, мне графинчик водки и салфеточной икры» и т. д. Большинство было за мадеру, хотя это еще служило только приготовлением к обеду. Кочетов выпил в управе для чего-то стакан чая, сдобренного ромом, а теперь Семен Гаврилыч приставал с мадерой.

– Я предпочел бы рюмку водки... – заметил он в нерешительности.

– Ах, какой вы: водка от нас не уйдет, Павел Иванович... У нас уж такое заведение, а в чужой монастырь с своим уставом не ходят.

Пристали другие, и Кочетов, чтобы отвязаться, выпил первую рюмку, за которой последовала вторая и третья. Выпитое вино приятно ударяло ему в голову, и он вдруг почувствовал себя совсем легко, так легко, точно он всегда жил в Пропадинске и попал в родную семью. Все кругом пили, и он пил. Время летело незаметно. Кто-то расспрашивал его о мельчайших подробностях его генеалогии: чей сын, сколько семьи, сколько жалованья получает отец и т. д. Кочетов, пригретый общим участием, незаметно разболтался и пустился даже в некоторую откровенность, но вовремя спохватился и посмотрел на своего собеседника – с ним разговаривал какой-то совсем незнакомый господин, которого он не видал даже в управе.

«Что ж это я распоясался... – с недовольным лицом! подумал он про себя, оглядывая еще раз незнакомца. – В незнакомом обществе, в первый раз, а уж язык точно узлом завязан».

Виноватой, конечно, оказалась проклятая мадера, которую Семен Гаврилыч приготавливал в собственном погребе. Дальше все происходило в каком-то тумане. Кочетов опять ехал в пролетке Семена Гаврилыча, краснощекая горничная отворяла знакомый подъезд, а там высокая лестница во второй этаж и целая анфилада хорошо убранных комнат. Что

всего удивительнее, так это то, что здесь они встретили ту же публику, какая угощалась в «Ахал-Теке»: и Голяшкин, и Нагибин, и Огибенин. Но из двух Ивановых сделалось три, а из трех Поповых – два; как это случилось, Кочетов никак не мог разобрать. Может быть, и он, Кочетов, перепутал, а может быть, один Иванов прибыл, а один Попов убыл.

– Душенька, рекомендую: мой друг, Павел Иваныч... – представлял хозяин доктора пожилой, но все еще красивой даме купеческого склада. – Отличный человек!.. Павел Иваныч, ты уж меня извини: у меня что на уме, то и на языке. Широкая русская натура, терпеть ненавижу скалдырников, вроде нашего Кацмана.

Этот переход на «ты» и появление дам заставили Кочетова прийти в себя: где он?.. Нет, нужно подтянуться – в мужской компании мало ли что бывает, а при дамах нельзя безобразничать.

– А вот это сестрица Пашенька... – рекомендовал Семен Гаврилыч высокую красивую брюнетку с такими ласковыми темными глазами и фамильным румянцем во всю щеку. – Прошу любить да жаловать, Павел Иваныч, а у нас первое дело, чтобы все попросту... Пашенька, давай поцелуемся!..

Брат и сестра особенно звонко расцеловались. Кочетову показалось, что красавица особенно пристально посмотрела на него своими темными глазами, а «душенька» нахмурилась. Но неугомонный хозяин уже тащил гостя в следующую комнату, где во всю длину внутренней сены стоял широкий

стол, уставленный бутылками в три ряда, и необходимая к ним «арматура» из закусок.

– Вот теперь мы добрались и до настоящего фундамента! – радостно проговорил хозяин, многозначительно останавливая внимание гостя на графине с очищенной.

– Я не могу, Семен Гаврилыч...

– Павел Иваныч... и ты это говоришь?..

– Нет, я уж того... Мне довольно.

– Вздор! Пашенька, заставь Павла Иваныча исполнить долг.

Кочетов почувствовал присутствие красавицы около себя, именно почувствовал, а она уже сама своими белыми руками наливала рюмки. Что-то такое горячее прилило к самому сердцу Кочетова – то безумное молодое веселье, которое бьет через край. Ивановы и Поповы хлопали рюмки, точно в «Ахал-Теке». Пашенька тоже кокетливо пригубила рюмочку с неизбежной мадерой, а непосредственно за этим следовал обед, причем стул Кочетова оказался рядом со стулом Пашеньки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.